Геральт стоял неподвижно с серебряным мечом в левой руке и бомбой в правой. Он внимательно прислушивался и медленно поворачивал голову, осматривая вестибюль, пары его выдыхов конденсировались, как только они попадали в холодный воздух дворца. Фойе не выглядело и не ощущалось иначе, чем тогда, когда он видел его накануне, и это было на самом деле хорошо. По крайней мере, эта переменная не изменилась. Ведьмак уже чувствовал, что вошел в ситуацию слишком слепо.

По правде говоря, он не был на сто процентов уверен, что перед ним стоит цирнубауг, поскольку он никогда раньше его не видел. На самом деле это мог быть какой-то новый монстр, с которым еще никто не сражался. И хотя у него были догадки относительно того, что это за монстр в лаборатории на третьем этаже, он также не был в этом полностью уверен. Он чувствовал, что это был какой-то призрак, но он не был похож ни на один призрак, с которым он когда-либо сталкивался. Он никогда не знал ни одного призрака, способного извергать огненные шары. Во многих отношениях он больше напоминал джинна.

Все это неизвестное заставляло его чувствовать себя неловко. Геральт понял, что он просто слишком неосведомлен о том, с чем ему предстоит столкнуться, а в ведьмачьей профессии незнание было убийцей. Именно по этой причине ведьмачье обучение не заключалось просто в развитии и оттачивании физических навыков – оружия, Знаков, силы, выносливости, ловкости и так далее. Хотя овладение всеми этими аспектами было абсолютно необходимо, если кто-то хотел продержаться в профессии более месяца, самих по себе их было недостаточно.

Не менее важными были знания, в том числе знания о противнике. Именно поэтому в юности ведьмаки каждый день проводили часы, роясь в разных bestiариях. Зная своего врага, можно было также знать его слабости, что, в свою очередь, направляло ведьмака в плане стратегии – какие отвары, масла и бомбы использовать; лучшее время суток для атаки; соответствующие методы снятия проклятий; и тому подобное. Вопреки распространенному мнению, ведьмаки – или, по крайней мере, те, кто обладает хоть каким-то долголетием – не были безмозглыми.

По правде говоря, их разум должен был быть таким же острым, как и их клинки. И на самом деле они были гораздо более образованными, чем население в целом. Их учили алфавиту, чтению и математике как можно раньше. И все это на нескольких языках. Они также, очевидно, были экспертами в области систематики растений, животных и монстров; алхимия; анатомия и физиология человека; процедуры вскрытия; и многое другое. Геральт просто надеялся, что весь его опыт поможет ему выжить сегодня.

Прежде чем ведьмак сделал еще шаг, он повернул голову и оглянулся через плечо на широко открытые парадные двери дворца и на портик за ним. Он вспомнил все приготовления, которые они с Йорветом провели за последние полчаса. Он покачал головой, осознав, насколько по-детски прост был его план. Но это было нормально. Иногда лучшие планы оказывались самыми простыми, по крайней мере, так он говорил себе. Но он знал, что, независимо от правдивости заявления, ключом к любому плану – простому или сложному – является его исполнение, что заставило его вспомнить свои последние слова с Йорветом всего несколько минут назад.

«Что ж, удачи, Ватт'герн. Скоро увидимся... если только ты не сдашься».

«Знаешь, я понимаю, почему ты внушаешь такую преданность людям, которыми руководишь. Твои слова действительно вдохновляют». Это вызвало ухмылку на лице эльфа. «И спасибо, но я не верю в удачу».

— Нет? Тогда как насчет этого — пусть Эссеа хранит тебя. И он протянул руку.

Геральт нахмурился, но принял жест, глядя на эльфа в единственный здоровый глаз.

« Ты ессеец? »

Странная улыбка появилась на лице эльфа.

« В юности. Но, как и большинство... отказался от веры много лет назад. Но он — Бог-защитник Эн Сейдхе, так что я полагаю... не помешало бы вспомнить его имя ».

« Да, но я не Эн Сейдхе ».

— Тогда, похоже, ты облажался.

" Зыбь. "

Эльф еще крепче сжал руку Геральта и слегка встряхнул ее. «Тогда желаю тебе всего наилучшего, Гвинблейд».

Он кивнул в ответ. «Да, я желаю нам всем добра».

Ведьмак оглянулся на внутреннюю часть дворца, глубоко вдохнул, затем медленно выдохнул, а затем боком пошел вверх по левой лестнице, спиной к стене. Он не собирался обыскивать нижний этаж, поскольку был почти уверен, на каком этаже дворца он найдет цирнабауг.

Достигнув площадки третьего этажа, он остановился, снова прислушался и подождал, пока его медальон дернется. Но он ничего не слышал и не чувствовал. Он все еще стоял спиной к стене, поэтому выглянул из-за угла слева и посмотрел на длинный коридор — тот, что находился на противоположной стороне лестницы от коридора, в котором располагалась лаборатория. И снова он не увидел ничего опасного, только дверные проемы по обе стороны коридора. Он посмотрел вперед, в коридор, который был перед ним и немного левее. Вдоль левой стороны было несколько дверей, но правая сторона не представляла собой ничего, кроме витража, который начинался примерно в четырех футах над полом и доходил до потолка.

Затем он заметил, что витражное окно также шло вдоль стены перед ним примерно в двадцати футах вправо, пока не заканчивалось в другом коридоре. Зелье кошки действительно позволяло ему видеть только в черно-белом режиме, поэтому он не мог различать цвета в витражах, но он мог видеть, что в них были изображения. Он не был уверен, но казалось, что изображение перед ним изображало несколько больших белых лодок, которых огромная волна толкала к высокой скале. Он ненадолго задумался, о чем идет речь. «Какое-то малоизвестное событие из истории Эн Сейдхе», — размышлял он.

Ведьмак был вполне уверен в том, что находится за окнами, но хотел убедиться в этом сам. Он посмотрел направо, вниз по коридору, в сторону лаборатории. Он по-прежнему не видел и не чувствовал никакой опасности, поэтому пересек коридор и встал у стекла. Он мог видеть, что окно не представляло собой кусок стекла длиной двадцать футов. Вместо этого он состоял из нескольких панелей, размещенных в отдельных панелях. Он положил меч обратно в ножны и медленно повернул защелку на краю одной из панелей. Затем он толкнул защелку — и окно — вперед, позволив оконному стеклу отклониться от него. Он перегнулся через четырехфутовый выступ и посмотрел вниз, чтобы увидеть внутренний двор под собой. Он заметил небольшое сухое дерево какой-то разновидности посреди двора. По обе стороны от него стояло два круглых фонтана. С этой высоты вода в них выглядела черной смоль. Он также мог видеть несколько сухих кустов и скамеек, разбросанных по саду.

Он не стал закрывать окно, а просто пошел по коридору к лаборатории. Он посмотрел вниз и увидел, что трупы все еще здесь. Он сделал осторожный шаг вперед между двумя трупами. Во дворце было устрашающе тихо, и, как это было у него в таких ситуациях, он ходил очень осторожно, стараясь не царапать пол каблуками своих ботинок. Он вздрогнул, когда хрящ в его колене решил хрустеть и лопнуть, когда он перенес свой вес на ногу. В такой тишине хлопок прозвучал так громко, как взрыв бомбы. Но затем он покачал головой, вспомнив, что шум не имеет значения. Он двигался скрытно – по привычке, выработанной десятилетиями – хотя его план этого не требовал. Ну, это было не совсем так. Хотя на самом деле он хотел, чтобы цирнубауг нашел его и противостоял ему, он хотел, чтобы огненный шар оставался в безопасности в лаборатории.

Когда он подошел ближе к двери лаборатории, его медальон слегка дернулся, как и накануне. Он быстро оглянулся, но не увидел ничего, кроме пустого коридора. Он достиг закрытой двери лаборатории, и его медальон снова дернулся. Он посмотрел на другой длинный коридор слева от себя, который шел перпендикулярно тому, через который он только что прошел. Цирнубауга он там тоже не увидел, поэтому решил, что медальон дернулся от чего-то – скорее всего, от огненного шара – находившегося по другую сторону двери.

Он только решил начать исследовать этот новый коридор, как его медальон начал сильно дрожать. Он немедленно отпрыгнул от двери лаборатории, когда перед ним материализовался огненный шар, сопровождаемый ужасающим криком. Геральт повернулся и побежал так быстро, как только мог, на ходу применяя Знак Квен. Внезапно он почувствовал, как температура вокруг него резко упала, и его медальон снова подпрыгнул. В пятидесяти футах впереди по коридору к нему приближался цирнабауг. Оно выглядело именно так, как его описал Лидиал – черный туман десяти футов высотой и четырех футов шириной, не имеющий телесной формы. Ведьмак побежал быстрее, зная, что ему нужно добраться до лестницы раньше цирнабауга. В противном случае он оказался бы в ловушке в коридоре между двумя монстрами.

Похоже, цирнабауг тоже это знал, потому что он, казалось, ускорился и тоже двинулся вправо, надеясь отрезать Геральту доступ к лестнице. На расстоянии добрых двадцати футов ведьмак швырнул в правую руку бомбу Бр'ер Коинин в сторону тумана, надеясь, что она сработает, как задумано. Бомба упала на пол перед цирнабаугом, а когда она взорвалась, похожее на смолу вещество взорвалось по всему коридору и накрыло похожее на туман монстра. Густая, липкая смола заставила цирнабауга замедлиться, но недостаточно. Геральт знал, что ему никогда не удастся вовремя подняться по лестнице.

В одно мгновение он изменил планы, надеясь вместо этого добраться до коридора справа от него, который шел рядом с витражами. Внезапно он почувствовал, как над его левым плечом пролетел огненный шар. К счастью, он не попал в него, а еще лучше — попал в цирнабауг. Когда он заметил, что покрытое смолой существо загорелось, он резко ударил вправо, и тогда его мир взорвался. Огненный шар ударил ему прямо в спину, и хотя щит Квена принял на себя большую часть повреждений, взрыв отбросил его вперед и сбил с ног – прямо к витражному окну. Когда его тело метнулось в воздух, он инстинктивно закрыл глаза и закрыл лицо предплечьем.

Ведьмак вылетел через стекло, осколки стекла разлетелись во все стороны и посыпались дождем в сад, находящийся в тридцати футах ниже. Геральт открыл глаза как раз вовремя, чтобы увидеть, что он направляется к маленькому дереву, которое он видел ранее. Верхняя часть его тела ударилась о конечность, но в обездвиженном состоянии она тут же сломалась и практически не замедлила его инерцию. Мгновение спустя он ударил другой конечностью по животу. Эта ветка была чуть менее хрупкой и замедлила его, но лишь на мгновение. Он

посмотрел вниз и пролетел последние пятнадцать футов во двор внизу.

В пяти футах от земли он яростно швырнул обе руки вниз, бросив самый сильный Знак Аард, какой только мог. Двуручные мощные телекинетические выстрелы, казалось, достаточно снизили его скорость. Упав на землю, он тут же подогнул колени и перекатился. Несмотря на все свои усилия, он все же услышал громкий треск в своей лодыжке. К счастью, его ведьмачьи зелья все еще действовали в полную силу, поэтому, хотя он и услышал травму, он не ощутил ее полного эффекта.

Белый Волк, опустившись на одно колено, поднял голову и увидел дымящегося цирнубага, выпрыгнувшего из окна третьего этажа. Но, в отличие от Геральта, который упал, как мешок с кирпичами, он скользил вниз на больших, как у летучей мыши, крыльях. Прежде чем он достиг сада, ведьмак уже вскочил и выбежал со двора к парадным дверям дворца. Он оглянулся и увидел, что цирнубаг потерял свои крылья и теперь представлял собой просто каплю черной смолы, движущуюся в его направлении идвигающуюся быстро. Подбежав к выходу, Геральт увидел, что взошло солнце.

Внешний дворцовый сад все еще был темным и туманным, но сквозь него проникало достаточно света, и он знал, что Йорвет теперь сможет нормально видеть. Ведьмак побежал так быстро, как только мог, и, достигнув порога входной двери, прыгнул так высоко и так далеко, как только мог. Как только он взлетел, он бросил вниз Знак Ирден, а затем продолжил полет вверх и наружу. Он преодолел весь вход в портик и приземлился на полпути вниз по ступенькам. Его ослабленная лодыжка подкосилась, когда он приземлился, и он скатился вниз по остальным ступеням, оказавшись спиной на разбитой ракушечной дорожке дворцовой территории.

Он быстро поднял голову, надеясь и ожидая увидеть и услышать ослепительный и оглушительный взрыв. Но было мертвенно тихо, если не считать его слегка тяжелого дыхания. Цирнубог остановился на пороге дворцовых дверей. Хотя, насколько мог разглядеть Геральт, у него не было ни лица, ни глаз, ведьмаку казалось, что оно смотрит и осматривает портик. Геральт поднялся на ноги и повернулся к цирнабаугу. Его взгляд быстро метнулся вправо и увидел Йорвета, спрятанного за одной из больших колонн портика, с арсеналом специальных ведьмачьих бомб у его ног. Эльф выглядывал из-за колонны, пытаясь увидеть существо у входной двери.

— Давай, сукин ты сын, я здесь, — тихим голосом сказал ведьмак, оглядываясь на черного монстра.

Но цирнабауг по-прежнему не двигался вперед. Вместо этого он начал разворачиваться. По крайней мере, так это казалось Геральту. Затем он начал двигаться обратно во внутреннюю часть дворца.

Ведьмак побежал вперед, на две-три ступеньки вверх. — Нет, ублюдок, сюда! он закричал.

Внезапно Геральт услышал уже знакомый ужасный крик огненного шара. Он прибыл из коридора третьего этажа и теперь находился в фойе на другой стороне цирнабауга. Он начал стрелять огненными снарядами в покрытого смолой монстра, не давая ему вернуться во дворец. С каждым приземлением огненного шара цирнабауг отодвигался все ближе и ближе к входной двери и портику. Как только ведьмак начал чувствовать надежду, он заметил, что огненный шар начал тускнеть и что его огненные снаряды летели с меньшей частотой и меньшей силой. Цирнабауг находился у порога двери, но дальше его уже нельзя было отодвинуть. На самом деле казалось, что он снова немного отодвинулся внутрь.

Именно тогда события как будто замедлились, для ведьмака все происходило как в замедленной съемке. Краем глаза он увидел движение. Его взгляд сместился вправо, и он увидел Иорвета, выходящего из-за колонны и бегущего по правой стороне портика к входной двери, с длинным изогнутым ножом в правой руке. Он пробежал мимо огромных статуй эльфийских воинов прошлого, хвост его малиновой банданы развевался позади него.

Геральт закричал: «Иорвет, нет!»

Но было слишком поздно. Эльфийский командир отпрыгнул на десять футов от входной двери. Он приземлился на «спину» цирнабауга, вонзив лезвие своего ножа глубоко в покрытое смолой чудовище. Инерция врезавшегося в него эльфа заставила монстра – с прилипшим к его спине Иорветом – пошатнуться влево. Эльф выкинул ногу влево, зацепившись подушечками ног за дверной косяк. Затем он изо всех сил оттолкнулся назад. Геральт беспомощно смотрел, как Иорвет и цирнабауг падали на пол портика. Геральт не стал ждать, пока они упадут на пол, вместо этого развернулся и нырнул к дворцовой площадке.

Когда цирнабауг приземлился, он сработал дюжину ловушек. Мгновенно фосфуритовые бомбы полетели в сторону существа и эльфа, взорвавшись на них и вокруг них. Фосфуритовые бомбы, горящие сильнее всего, что знал ведьмак, гелеобразное вещество, способное прожигать металл. Бомбы, компоненты которых были настолько нестабильными, что он редко, если вообще когда-либо, изготавливал их и категорически отказывался носить их на себе или в седельных сумках Роуча. Ведьмак поднял глаза и увидел ослепительный белый свет, сияющий из середины портика. Оно было настолько ярким, что он не мог смотреть прямо на него.

Он быстро побежал направо к колонне, где раньше прятался Иорвет. Он взял по фосфуритовой бомбе в каждую руку и повернулся к входным дверям. Свет немного потускнел, достаточно, чтобы увидеть, что, хотя Иорвет практически испарился, цирнабауг все еще двигался, хотя и незначительно. Он бросил две бомбы в существо, а затем тут же взял еще две и тоже бросил их. Пока существо горело ярким белым пламенем, Геральт изо всех сил старался разглядеть, что происходит. Он по-прежнему не мог смотреть прямо на свет, но прикрыл глаза рукой, чтобы видеть на расстоянии нескольких футов над светом. Он увидел что-то, похожее на густой черный пепел, плывущий вверх, и, продолжая подниматься выше, пепел, казалось, в конечном итоге распался и исчез.

Через пару минут пламя утихло, и ведьмак, хромя, направился к портику, расположенному прямо перед дверями дворца. В белом мраморе была дыра, местами более двух футов глубиной и примерно десяти футов в диаметре. Близлежащие двери и колонны также были повреждены. Но от цирнабауга ничего не осталось. И от Иорвета тоже ничего не осталось – ни шва его одежды, ни даже лезвия от его ножа. Ведьмак глубоко вздохнул и закрыл глаза, вспоминая последние действия эльфийского борца за свободу. Он поклялся, что, наблюдая, как Иорвет и цирнабауги падали вниз навстречу своей гибели, он видел отвратительную улыбку Иорвета, застывшую на его лице.

Он держал глаза закрытыми еще несколько мгновений, просто вспоминая покрытую шрамами улыбку своего друга, вспоминая раскаяние, которое ясно читалось и в его голосе, и в его затравленных глазах во время их последних разговоров, вспоминая скорбную панихиду, которую он играл на своей флейте. только вчера вечером. Геральт покачал головой, осознав, что считает Иорвета своим другом. Он не был уверен, когда именно это произошло, но теперь у него не было сомнений в этом факте. Наконец ведьмак снова открыл глаза.

— Черт возьми, — просто и грустно констатировал ведьмак.

Он постоял еще мгновение, глядя вниз на портик, но затем оглянулся через плечо и заметил, что темный туман быстро рассеивается с неба над головой. Когда он повернулся спиной к входным дверям, его глаза оглядели территорию дворца под ним, медленно купавшуюся в лучах утреннего солнца. Ведьмак спустился по ступенькам портика к большому фонтану и вышел из тени дворца. Он обернулся и посмотрел на солнце, которое только что взошло над самыми высокими вершинами Голубых гор. Он закрыл глаза и раскрыл руки, слегка разведя их в стороны. Он стоял там, молчаливый и неподвижный, позволяя солнцу согревать его лицо и тело, прогоняя холод и горькое отчаяние. Через некоторое время ведьмак снова опустил руки по бокам и открыл глаза. Посмотрев обратно на портик, он прошептал себе:

«Пусть Эссея хранит тебя, Иорвет. Пусть он хранит тебя».

ooo

Иви внезапно проснулась в темной пещере. Она протянула руку к себе, но не почувствовала, что Геральт стоит на коленях рядом с ней.

«Черт возьми», — сказала она себе под нос. А потом она поняла, что менее чем через две недели она уже усвоила некоторые из его наиболее распространенных высказываний. Она также поймала себя на том, что за последние несколько дней несколько раз произнесла «Свелл». Это действительно заставило ее улыбнуться, пока она не вспомнила, о чем идет речь.

Она вскочила на ноги и подошла к огню Геральта. Она вытащила нож из ножен на бедре, пошевелилась и подула на угли внутри. Постепенно огонь разросся настолько, что она могла видеть окрестности. Она схватила факел, который Геральт положил для нее накануне вечером, и зажгла его. Она медленно и осторожно вернулась туда, где спали Лидиал и Баркейн. Она опустилась на колени и потрясла их обоих за плечи.

«Просыпайтесь», — прошипела она им.

Они оба мгновенно проснулись.

— Что такое, Эванджелина?

«Геральт ушел», — сказала она.

«Хорошо. Пойдем вниз», — ответил Баркейн.

Но Иви не стала их ждать. Как можно быстрее она вышла из пещеры и направилась в лес. В свете фонаря она все еще могла видеть Роуча, ковыляющего неподалеку. Она немедленно побежала к территории дворца. Пятнадцать минут спустя, вспотевшая и запыхавшаяся, Иви стояла перед закрытыми воротами дворца. Она могла сказать, что рассвет приближается, потому что, когда она отводила взгляд от территории дворца, ее глаза могли уловить окружающий свет неба. Но затем она повернулась и посмотрела на ворота, окутанные темным туманом. Все, что она могла сделать сейчас, это ждать.

ooo

Геральт сидел на дворцовой площадке, прислонившись спиной к краю большого фонтана, а рядом с ним лежали седельные сумки. Он принял порцию белого меда, чтобы снять воздействие ведьмачьих эликсиров, которые он выпил менее получаса назад. Теперь, когда взошло солнце, он определенно хотел нейтрализовать кошачье зелье. Сразу после приема Белого меда он выпил лечебное зелье для своей лодыжки. Он посмотрел через парадные двери

дворца и увидел огненный шар, все еще плавающий в фойе. Он видел его раньше, но поскольку он, похоже, не двигался – ни бежать, ни нападать, – Геральт решил, что позаботится о своей лодыжке, прежде чем приближаться к нему. Ведьмак медленно поднялся на ноги и, хромя, поднялся по ступенькам в вестибюль. Он остановился, когда достиг входной двери, в его руках не было никакого оружия. Он посмотрел на шар света. Он не знал почему, но у него возникло ощущение, что оно его ждет. Наконец он нарушил молчание.

«Я не знаю, кто ты, но у меня есть хорошая идея. Я хотел бы помочь тебе», — заявил ведьмак.

Через мгновение светящийся шар начал медленно плыть вверх к третьему этажу.

«Ну, он не напал, так что, думаю, это «да», — сказал себе Геральт, прежде чем подняться по лестнице справа от него.

Когда ведьмак подошел к площадке третьего этажа, он заметил, что там находится шар, видимо, ожидающий его. Геральт огляделся. Теперь, когда солнце взошло и светило сквозь стеклянные окна и другие окна, расположенные по всему дворцу, он мог легко увидеть повреждения, нанесенные коридору третьего этажа. Повсюду были разбитые стекла, липкая смола и следы ожогов. Учитывая ущерб, нанесенный портику, он знал, что, если королева Энид решит взыскать с него плату за весь ущерб, то у него не останется ни единой кроны, оставшейся от контракта. Но ведьмак при этой мысли только пожал плечами, наблюдая, как парящий огненный шар медленно движется по коридору к лаборатории. Добравшись до двери, он исчез. Геральт предположил, что оно сейчас просто на другой стороне. Достигнув двери, он глубоко выдохнул и потянулся к ручке. Он повернул его, но остановился, прежде чем открыть дверь. Он очень боялся того, что, как он думал, он найдет на другой стороне. Затем он сглотнул, открыл дверь и вошел в лабораторию.

ooo

Небольшая толпа – практически вся община Аэн Сейдхе – ждала ведьмака у ворот дворца. За последние полчаса эмоции в группе зашкаливали. Поначалу была смесь надежды и беспокойства. Но чем дольше продолжалось ожидание, тем больше надежда начала исчезать, а беспокойство превращалось в страх. Когда они услышали звуки разбивающегося стекла и взрывающихся бомб, страх перерос в полноценную панику. И вот, наконец, когда туман начал рассеиваться, сменившись светом и теплом солнца, чувство надежды и предвкушения вернулось в полную силу.

Все ожидали, что ведьмак скоро объявит о себе и объявит о завершении контракта. Но прошло пять, потом десять, потом двадцать минут, а его никто не видел. В конце концов, Иви, Баркейн, Лидиал и еще несколько человек решили пойти за ним. Иви уже бы вошла на территорию дворца в поисках ведьмака, если бы ее физически не удерживали брат и бабушка. Наконец ворота дворца открылись, и Мясник из Блавикена вышел. Иви собиралась броситься в его объятия, пока не увидела его лицо. Для кого-либо еще он, вероятно, не выглядел так уж иначе, чем обычно. Но она начала понимать тонкие нюансы Геральта из Ривии и легко могла увидеть ярость в его чертах. Когда он подошел к королеве Энид и Крысиной морде, остальные члены Эн Сейдхе столпились вокруг них.

«Как видишь, я разобрался с черным туманом. Однако внутри есть кое-что еще — на третьем этаже. Если ты хочешь, чтобы он исчез, то мне нужны вы оба», — сказал он холодным рычанием, указывая пальцем. у них двоих. — И Нюремель тоже.

Затем он повернулся к остальной толпе.

«Мне также понадобится кто-нибудь, кто... был ... когда-то матерью».

Иви немедленно шагнула вперед. «Я помогу – все, что вам нужно».

На лице Геральта на мгновение появилось выражение растерянности и удивления, но оно быстро сменилось гневом.

«Очень хорошо. Пошли», — скомандовал он, повернулся и пошел обратно к дворцу.

«Я не подчиняюсь приказам ватт'герна и уж точно не пойду туда с тобой».

Геральт остановился и обернулся. Ему даже не пришлось спрашивать, кто это сказал. Он посмотрел прямо на Крысиное лицо и кивнул головой.

«Знаете что? Вы правы. У меня есть идея получше. Я думаю, всему сообществу нужно подняться на третий этаж и увидеть, чем занимаются его лидеры».

Геральт внезапно увидел, как обычно ехидное выражение лица Крысы сменилось страхом.

«Я запрещаю это», — заявила королева Энид. Хотя она говорила негромко, ее голос был авторитетным, и все ее отчетливо слышали. Взгляды всех автоматически переместились на ведьмака.

"Это правильно?" — ответил Белый Волк. «Ну, я мог бы потребовать это – потому что я знаю, что ты отчаянно хочешь того, что там. И ты знаешь, что не можешь победить то, что их охраняет. Только я могу избавиться от этого». На его лице была легкая улыбка, но она была совсем не дружелюбной.

Королева Энид, держась с грацией, соответствующей ее положению, медленно пошла прочь от толпы к воротам дворца. Затем она повернулась и посмотрела на ведьмака.

— Пару слов... наедине, Гвинблейд? она спросила.

Подойдя к ней, Геральт заметил, что она улыбается – улыбка, очень похожая на ту, которую она только что получила от него.

— Ты запутался, ведьмак. Видишь ли, знание — сила, и я тебя знаю .

"Это так?"

«Действительно. Ты же понимаешь, что у меня давняя история с несколькими членами твоего маленького гарема , и каждый раз, когда кто-нибудь из них говорил о тебе, я слушал. Я слушал, что было сказано, а что нет. Итак, я слушал. возьми меру, ведьмак, и я знаю твою слабость».

Геральт ничего не сказал, но внутри выругался. Очевидно, она разоблачила его блеф.

Волшебница улыбнулась. «О, да. Твое нежное сердце к невинным и беспомощным. Итак, я знаю, что ты хочешь спасти то, что находится в лаборатории, так же, как и я. И ты знаешь, что их поддерживает только моя магия. Без меня они все погибнут, и... я им не даю больше времени. Итак, получается, что мы стоим на месте».

Через мгновение ведьмак заговорил. «Хорошо. Это все равно выйдет наружу. Они все узнают, что ты сделал... после того, как я им расскажу».

"Это так?" Прекрасная волшебница посмотрела на голубое небо, а затем снова на убийцу монстров. «Как долго ты собираешься оставаться у нас, Геральт... здесь, в нашем маленьком сообществе? Я сомневаюсь, что надолго. Опять же, я тебя знаю. Ты нигде не задерживаешься надолго. Жаль, если что-нибудь случится с семьей маленькой Иви. Я знаю, что она будет так убита горем. Но такое случается. Здесь, в этих горах, так много опасностей».

Ведьмак крепко стиснул челюсти, но ничего не ответил. В тот момент он не знал, что бы сказал, если бы открыл рот. Он знал, что сможет поразить ведьму прямо здесь и сейчас, прежде чем она успеет произнести хотя бы одно заклинание. Но он также знал, что если бы он это сделал, это повлекло бы за собой глубокие и многочисленные последствия – особенно для жизней невинных людей.

Королева Энид продолжила. «Независимо от того, даже если они узнают нашу маленькую тайну, со временем, когда они все увидят, что то, что я сделал, было необходимо и что я помог спасти нашу расу, они это поймут и даже оценят. что иногда приходится идти на жертвы ради улучшения общества».

Ведьмак покачал головой. «Скажи это Къезе. Легко нести эту чушь, пока жертвой не будешь ты».

«Пожалуйста. Къеза — ессеянка. Она хорошо знает честь жертвенной жизни».

«Это серьезно извращенная логика. Честь есть только в том случае, если жертва является добровольной, чего на самом деле не было».

Франческа Финдабаир покачала головой с выражением притворной жалости на лице.

«Я завидую тебе, Ватт'герн, с твоей простой жизнью и твоими наивными идеалами. О, да, я вижу презрение в твоих глазах, осуждение, которое ты питаешь ко мне, но ты никогда не сидел на моем троне. Ты» "В твоих руках никогда не была судьба целой расы. Ты никогда не чувствовал тяжести этой ответственности. Пока ты не займешь руководящую должность, ты никогда не поймешь. Так что избавь меня от своей чепухи и возвращайся к твоей незначительной жизни».

Они смотрели друг на друга несколько мгновений, прежде чем ведьмак наконец сказал: «Знаешь что? Это отличная идея. Так что давай покончим с этим. Но нам понадобятся Крысиное Лицо и Нуремель».

"И почему так?"

Жестокая ухмылка промелькнула на его лице. «Знаешь, я бы тебе это объяснил, но это ниже твоего достоинства. Всего лишь незначительное, маленькое проклятие для простого, маленького ведьмака. Слишком простое, чтобы ты мог его понять. Так что тебе придется просто довериться мне».

Затем он повернулся, подошел к Иви и прошептал ей на ухо. Через мгновение она отступила назад, посмотрела ему в глаза и кивнула. Затем они направились к дворцу.

ooo

Иви ахнула, увидев повреждения портика. Она повернулась к Геральту, но он просто прошептал: «Позже», поэтому она кивнула головой.

Она и Геральт намеренно шли за тремя Аэн Сейдхе.

Когда они все начали подниматься по первой лестнице, Крысиная Морда обернулась и посмотрела им за спину.

«Почему мы лидируем? Вы же профессионал» , — с презрением выплюнул он.

«Ты знаешь, где находится лаборатория. Тебе не нужно, чтобы я руководил. И ты прав — я профессионал, а это значит, что я узнаю монстра, когда увижу его. Я лучше буду иметь за спиной нильфгаардца, чем ты, Крысиное лицо».

Прежде чем он успел возразить, его королева опередила его. «Просто закрой свой рот, Аллендор. Ты усложняешь ситуацию для всех».

В его глазах был яд, но он просто сказал: «Да, Ваше Высочество».

Как бы сильно она ни старалась этого не делать, Иви была в полном восторге, прогуливаясь по дворцу. Ее взгляд метался с картин на стенах, на висящие гобелены, на изображения в витражах, на доспехи, украшающие лестницы и коридоры. Она впитывала всю историю. Единственный раз, когда она была внутри этих стен, был накануне. И, очевидно, тогда было темно как ночь, и у нее на уме были более неотложные дела. За все годы посещения своего Наина Иви ни разу не пустили во дворец. Полукровных «дворняг», подобных ей, никогда бы не пригласили внутрь. Фактически, только после ее последнего визита к бабушке – после того, как бабушка жила рядом с оружейным складом, – ее даже пустили во дворец. основания.

Но сейчас, прогуливаясь по дворцу Эн Сейдхе при свете дня, историк в ней определенно был в восторге. Но она знала, что они все еще находятся на задании – Геральт ясно дал понять, что опасность все еще может быть – поэтому она изо всех сил старалась умирить свой академический энтузиазм и сосредоточиться на поставленной задаче. Если ей нужно было напомнить о серьезности ситуации, то вид всех повреждений на третьем этаже помог ей понять. В этот момент никто, даже Крысиная Морда, не делал никаких комментариев по этому поводу. Чем ближе они подходили к двери лаборатории на третьем этаже, тем напряженнее становились все.

Достигнув закрытой двери, они все, естественно, отступили в сторону Геральта. Иви почувствовала, как он схватил ее за руку и повел вперед, но заметила, что он все время следил за тем, чтобы лицом к лицу были три Эйн Сейдхе.

Она стояла прямо перед дверью, Геральт позади нее. Она услышала, как он обратился к трем эльфам: «Не делайте ничего, чего я вам не говорю. Понятно?»

Нюремель внезапно заговорила. — Ты уверен, что это безопасно?

«Это будет до тех пор, пока ты будешь делать именно то, что я говорю. Понятно?»

Эльф кивнул в ответ.

Затем ведьмак обратился через плечо к Эви. «Медленно откройте дверь и медленно войдите».

Иви потянулась вперед и открыла деревянную дверь, и она, как и раньше, скрипнула на петлях. Она вошла в лабораторию и сразу заметила парящий в центре комнаты световой шар. Однако она также заметила, что огненное пламя, окружавшее его в первый раз, когда она увидела его, выглядело немного приглушенным.

Внезапно она почувствовала, что ее толкнули сзади, и повернулась, чтобы увидеть, что Геральт идет задом наперед, сопровождаемый тремя эльфами. Она быстро повернулась лицом к шару и заметила, что, когда эльфы вошли в комнату, огонь вокруг нее стал ярче и жарче. Она взяла на заметку этот факт. Затем она услышала голос Геральта.

«Вы двое оставайтесь здесь и не двигайтесь. Ничего не делайте. Иви, Ваше Высочество, следуйте за мной».

Затем он взял на себя инициативу, идя боком, никогда полностью не сводя глаз с эльфов. Иви следовала за ним, но затем ее глаза скользнули мимо него, чтобы увидеть, куда он ее ведет. И она ахнула от увиденного. За светящимся магическим барьером на столе лежала эльфийка. Она была полностью обнажена, и у нее отсутствовали части тела – левая рука от локтя вниз, правая ступня, несколько пальцев правой руки. У нее также был восемнадцатидюймовый разрез, который шел от грудины до чуть выше лобка.

Были еще два длинных разреза, сверху и внизу вертикального разреза, которые шли перпендикулярно ему. Выглядело так, будто у тела на животе было две створки, которые можно было открывать и закрывать, как дверцы шкафа. У нее было множество трубок, идущих от разных частей ее тела, и все они были подключены к машинам, которых Иви никогда раньше не видела. Она предположила, что все машины обладают магией. Мало того, что вокруг эльфа, стола и всех машин был какой-то барьер, Иви также казалось, что вокруг нее самой эльфа было какое-то свечение.

Наконец, все трое и огненный шар оказались перед изувеченным эльфом.

«Геральт?» Иви рыдала. «Къеза?»

Он кивнул. Затем он заговорил с явной яростью в голосе.

«Просто чтобы нам всем было понятно. Этот летающий шар — своего рода призрак. Он содержит все души всех зародышей, умерших во время ваших экспериментов, и мне не нужно спрашивать, сколько их было. ...Я вижу, сколько еще живых зародышей находится в банках, и у меня есть точная оценка того, как долго Къеза пропала. Так что я могу посчитать. И я даже не хочу знать, как вы решили это сделать. избавиться от тех, кто умер. Это бы... что теперь? Давайте просто двинемся дальше. Я не могу говорить за скопление душ, но лично мне не хотелось бы ничего, кроме как выпустить кровь из вас всех троих, куски дерьма. "Это то, чего вы заслуживаете».

Однако души, судя по всему, готовы прощать. Я думаю, что больше всего на свете они хотят просто сохранить жизнь. Они хотят сохранить жизни, которые находятся в этих банках, и мы все это знаем". нам, к сожалению, нужно, чтобы вы, - в этот момент он кивнул Франческе, - сделали это. Но они также хотят убедиться, что это шоу ужасов закончится, а это означает, что Къезу должным образом похоронят, чтобы вы, больные извращенцы, не смогли этого сделать. продолжайте извлекать ее яйца. Это первый шаг в отправке душ. Я перейду ко второму и третьему шагам после того, как мы об этом позаботимся».

Затем он повернулся лицом к королеве. «Я мог бы деактивировать твой барьер с помощью димеритиевой бомбы, но я не хотел рисковать и вмешиваться в магию банок. Итак, мне нужно, чтобы ты опустил барьер. Сейчас же».

Королева Энид начала произносить сложное заклинание и размахивать руками. Пока она это делала, Геральт вытащил из доспехов металлическую чашу. Он подошел к Иви, которая заметно дрожала, ее глаза были очень влажными.

«Мне нужны твои слезы».

"Что?"

«Мне нужны слезы скорбящей матери. Но слезы... они должны исходить от вас, особенно от воспоминаний о своем ребенке. Как вы думаете, вы сможете это сделать?»

Иви тут же начала реветь. Геральт вручил ей чашу.

«Детка, не вытирай глаза, ладно? Пусть слезы упадут прямо в миску».

Эви не смогла ответить. Она отвернулась от остальных, чтобы они не видели ее скорби, и просто продолжала плакать, слезы текли по ее лицу. Рыдания сотрясали ее тело, заставляя ее плечи дрожать.

Геральт повернулся к остальным, стиснув челюсти. Он изо всех сил старался контролировать свое дыхание, но ярость внутри него собиралась поглотить его. Ему потребовалось все, чтобы не вытащить меч и не сразить их всех. Он посмотрел на Къезу и увидел, что барьер опущен и что Франческа держит руки примерно в шести дюймах над телом, перемещая их вперед и назад от головы к ногам. В конце концов Франческа остановилась, опустила руки в стороны и отошла от тела. Ведьмаку не пришлось проверять пульс Къезы. Он слышал, что ее сердце остановилось. Затем он кивнул волшебнице.

«Хорошо. Теперь вытащи трубки, найди простыню или саван и заверни в нее ее».

Ведьмак стоял рядом с Эви, пока Франческа оборачивала труп Къезы. Иви все еще плакала, но уже не рыдала. Он протянул руку и положил ей руку на плечо, нежно сжимая ее, но все еще не сводя глаз с остальных. Как только волшебница закончила подготовку тела, Геральт поговорил с Крысолицым и Нуремель.

«Поднимите ее осторожно. Мы собираемся похоронить ее во дворе».

Крысиная Морда начал протестовать, пока огненный шар не загорелся ярко, а вокруг него не вспыхнуло пламя.

«Я говорил тебе, что ты выживешь, если сделаешь то, что я говорю... но на самом деле я надеюсь, что ты этого не сделаешь. Мне бы очень хотелось увидеть, как они поджарят тебе задницу».

Это заставило Крысиную Морду замолчать, и они с Нуремелем схватили труп и начали выносить его из лаборатории.

«И я бы рекомендовал тебе оказать ей величайшее уважение», — посоветовал ведьмак, когда они вышли за дверь, а за ними следовал огненный шар.

В конце концов все они добрались до внутреннего двора. Иви держала перед собой миску со слезами. Когда они прибыли, Геральт снова заговорил с двумя эльфами-мужчинами.

«Пойди, найди две лопаты. Ты собираешься выкопать ей могилу».

Он видел, что Крысиная Морда хотел возразить, но Нуремель лишь кивнул головой и вышел со двора. Вскоре после этого Крысиное лицо последовало за ним.

— И ты, — сказал Геральт, глядя на королеву Энид. «Мне нужно, чтобы ты нашел курильницу и

немного благовоний».

ooo

Два часа спустя Къезу наконец похоронили. Остальные трое стояли поодаль, а Геральт, Иви и кучка душ стояли на могиле.

Геральт повернулся к Эви. — Ты хочешь что-нибудь сказать?

Эви кивнула головой.

«Къеза, я тебя не знал, но ты, очевидно, был эльфом огромной силы и убежденности. И ты явно любила Эссею... о чем свидетельствует твое желание так подчиниться ему. Я надеюсь, что ты в мире и что ты будешь скоро с твоими детьми. Пусть Эссеа сохранит тебя и их».

Геральт не думал, что сможет что-то добавить к этому, поэтому и не стал. Он повернулся и обратился к трем эльфам Аэн Сейдхе.

«Хорошо. Первый шаг был самой длинной частью. Следующие два будут быстрыми».

Он вытащил курильницу, которую нашла для него Франческа.

«Снятие проклятий требует жертв и ритуалов. Шаг второй: нам нужно сжечь слезы скорбящей матери. Для этого и нужна кадельница».

Затем он зажег в кадельнице пропитанные слезами благовония. Он вылил на благовония слезы Эви, как только королева принесла его ему два часа назад. Когда он начал дымиться, он начал медленно ходить по периметру могилы Къезы, над ней плыла кучка душ.

«Пусть эти слезы горя принесут вам покой. Это знак материнской любви. Пусть эти слезы горя принесут вам покой. Это знак материнской любви...»

Ведьмак продолжал ходить вокруг могилы, повторяясь несколько минут. В конце концов он подошел к трем эльфам.

«Шаг третий включает вас двоих».

Геральт уставился на двух мужчин-эльфов. Каким бы упрямым ни был Крысиный Мордой, Нуремель выглядел таким же сломленным.

"Что мы должны делать?" — спросил Нуремель.

«Обычно для снятия такого проклятия требуется пролитие крови, а значит, и ваша жизнь». Эльф только кивнул. «Однако я верю, что они готовы пойти другим путем. Тем не менее, это может быть даже более трудная жертва, чем ваша жизнь. Это жертва вашей гордости. Просто попросите у них прощения с искренне сокрушенным сердцем. "

Нуремель удивленно посмотрела на ведьмака. Ведьмак кивнул в ответ.

Нуремель медленно приблизилась к скоплению душ, все еще парившему над могилой Къезы. Он опустился на оба колена и опустил голову. Иви видела, что он говорит, но не слышала его слов. В конце концов он поднял голову и посмотрел на парящий перед ним шар. Через минуту, когда ничего не происходило, Нуремель с растерянным лицом посмотрела на ведьмака.

"В том, что все?"

«Похоже. Я бы сказал, что ты в порядке. Ты встал, Крысиная Мордашка».

Седовласый эльф осторожно направился к могиле. Пока он неуклюже стоял, Иви протянула руку и схватила ведьмака. Хотя он и сжал ее руку, он не повернулся, чтобы посмотреть на нее, его глаза не отрывались от сцены перед ним. Они наблюдали, как эльф нерешительно преклонил колени перед могилой. Он опустил голову и сложил руки перед собой. Иви увидела, как он шевельнул губами. Закончив, он медленно поднял голову и посмотрел на скопление душ перед собой. Пока Иви наблюдала, как он с легкой улыбкой на лице повернул голову к ним, огненный шар внезапно выстрелил прямо в его тело, а затем еще один, затем третий и четвертый. Иви подпрыгнула при виде этого зрелища, а затем отвернулась.

В конце концов, после того как крики Крысиной Морды утихли, она посмотрела на Геральта. На лице у него было совершенно нечитаемое выражение, но глаза все еще не отрывались от тлеющего трупа. Затем его взгляд переместился влево. Иви почувствовала, как он сжал ее руку, и тоже посмотрела. Она заметила, что пламя вокруг скопления душ полностью погасло. А затем с внезапным хлопком оно исчезло.

«Похоже, они не были убеждены в его искренности», — прокомментировала Иви.

«Да. Кто мог догадаться? В конце концов, у Крысиной Морды не было разбитого и раскаявшегося сердца».

Затем ведьмак повернулся к Франческе, которая тоже смотрела на эту сцену.

«Жаль, что твоя магия все еще нужна. Потому что мне бы очень хотелось увидеть тебя на коленях, просящего прощения. Я не сомневаюсь, чем бы это закончилось».

Колдунья улыбнулась ведьмаку. «Да, я уверен, что ты хотел бы видеть меня на коленях».

Затем ее глаза двинулись к Эви и встретились с ней, и ее улыбка стала шире. Затем она снова посмотрела на ведьмака.

«Но этого не произойдет... никогда. Я так люблю свою магию».

Она легко рассмеялась, как будто у нее не было абсолютно никаких забот в этом мире.

ooo

Иви стояла у входа в большую пещеру, ту самую, где она спала прошлой ночью. При дневном свете все выглядело совершенно иначе. Сквозь полдюжины отверстий в потолке пещеры падали яркие лучи света и освещали пол пещеры. Иви подумала, что это красиво. Для нее они выглядели как водопады, за исключением того, что они состояли из лучей солнечного света, а не из капель воды. Ее глаза осматривали пещеру взад и вперед, пока она не нашла то, что искала. В дальней части пещеры, возле одного из «водопадов» иллюминации, она увидела своего ведьмака. Он стоял на коленях в медитации, в нескольких футах от прямых солнечных лучей. Однако он был достаточно близко к свету, чтобы не находиться полностью в тени, а достаточно близко, чтобы она могла найти его, увидеть его лицо.

Иви знала, что что-то не так. Она почувствовала это во дворе. И когда они спускались по ступенькам портика, Геральт сообщил ей, что не может оставаться здесь, на территории дворца, ни минуты дольше. Он не хотел находиться рядом с волшебницей или ее дворцом и

немедленно ушел. Она задержалась ненадолго, просто чтобы сообщить Лидиалу и Баркейну, что с ней все в порядке, и ответить на некоторые их вопросы, а затем отправилась искать его.

Она медленно пошла к ведьмаку. Когда она была в добрых тридцати футах от него, она увидела, что он открыл глаза, и остановилась. Они оба стояли неподвижно – она стояла, он стоял на коленях – несколько секунд, просто глядя друг другу в глаза. Наконец она заметила легкий кивок головы ведьмака и снова пошла к нему. Пока она шла, она заметила, что его взгляд все время был прикован к ней. Она прошла сквозь «водопад» солнечного света, а затем сделала несколько последних шагов и остановилась перед ним. И затем она опустилась на колени.

«Привет», сказал он, но на его лице не было улыбки.

Иви улыбнулась его приветствию.

«Привет тебе», — сказала она в ответ.

Затем она заметила, что Геральт не может поддерживать с ней зрительный контакт. Казалось, он пытался это сделать, но не смог выдержать ее взгляд больше секунды, прежде чем ему пришлось отвернуться.

— Геральт, с тобой все в порядке? Что случилось?

Убийца монстров медленно покачал головой.

«Я здесь ради тебя. Я выслушаю, если ты захочешь поговорить об этом».

На лице ведьмака промелькнула легкая грустная улыбка, но голова его была слегка опущена, его глаза обшаривали пол пещеры.

«Хорошо», сказал он, кивнув головой. Иви казалось, что он больше разговаривает сам с собой, чем с ней. Затем он поднял голову, его глаза встретились с ее глазами.

«Помнишь, два дня назад я говорил тебе, что почувствовал, что во мне есть тьма?»

Она кивнула.

«Я был неправ. Думаю, теперь я знаю, что это такое на самом деле». Но он не продолжил. Иви увидела, как он сглотнул.

"Да?" она подсказала.

Геральт посмотрел вверх и глубоко выдохнул. «Можете ли вы вспомнить, какие чувства вы почувствовали, находясь в этом дворце?»

Она кивнула. «Это было ужасно. Я чувствовала себя безнадежной, полной отчаяния и просто... уродливой внутри».

«Да. И ты никогда даже не был в его присутствии. Поверь мне, чем ближе оно было, тем было хуже».

"Хорошо?" Она все еще не была уверена, к чему он клонит.

«Но, если честно... хотя я и чувствовал это, на меня это не сильно повлияло». Затем он сделал

паузу. «Потому что это то, что я чувствую каждый день».

— Что ты хочешь сказать, Геральт?

Он посмотрел ей в глаза. «То, что у меня внутри, Иви... это чистое зло. Я знаю это теперь, после сегодняшнего дня. То же самое, что породило этого цирнубога, живет внутри меня».

Иви знала, что спорить с ним бессмысленно, поэтому не стала. Она просто потянулась вперед и коснулась его лица рукой.

«Хорошо», просто сказала она. «Несмотря на это, я все еще здесь ради тебя».

«Как ты можешь так говорить? Хочешь знать, насколько я злая, Иви?»

Она сглотнула, но все же сказала: «Хорошо. Расскажи мне».

Геральт покачал головой. «Я хотел зарезать всех троих этих... эльфов во дворе».

Эви вздохнула. «Геральт, это не делает тебя злым. Это делает тебя нормальным. Черт, после того, что я увидел в той лаборатории, я тоже хотел, чтобы все трое сгорели дотла. Я хотел, чтобы они заплатили за то, что они сделали. ."

Он снова покачал головой. «Это было больше, чем просто желание справедливости, Иви. Когда я смотрел, как эти души прощают Нуремеля, я злился - на них. Хотя, на самом деле, я не имел на это права. Если души были готовы прощать, как это было "Это мое дело? И когда я смотрел, как горит Крысиная Морда, я чувствовал не удовлетворение от того, что свершилось правосудие. Знаешь, что я чувствовал? Ревность, зависть. Потому что я хотел быть тем, кто заставил его сгореть . Я Я хотел выпотрошить этого сукина сына с Крысиной мордой и смотреть, как он истекает кровью. И я до сих пор это делаю».

Ведьмак теперь смотрел ей в глаза, ожидая ее ответа, просто ожидая, когда она встанет и с криком побежит из пещеры прочь от монстра, которым он был. Никогда не вернуться. Спустя несколько долгих мгновений она наконец ответила.

— Хорошо, — сказала она, кивнув головой. «Тьма, которая в тебе, может быть чистым злом... но, Геральт, послушай меня внимательно, это не значит, что ты чистое зло. Есть большая разница. Я видел ярость, которая была на твоём лице, когда ты вышел из дворца этим утром - праведники в ярости после того, как увидели злодеяния, произошедшие в этой лаборатории. Чисто злого человека это даже не заботило бы. Черт, чисто злого человека даже не волновало бы, если бы он был чисто злым. Итак... если вы не видите этой разницы, разницы между совершенно злым цирнубагом и человеком - каким бы ущербным он ни был - который находится передо мной прямо сейчас, то... вы просто не используете логическую, рациональную часть своего мозга своей - той части, которую ты всегда говоришь, что хочешь использовать».

К тому времени, как она закончила, она говорила с глубокой убежденностью в голосе. После паузы она продолжила более мягким тоном.

«Похоже, что зло, которое внутри тебя, хочет убедить тебя, что ты всего лишь гниль, заставить тебя поверить в свою никчемность. И знаешь почему? Чтобы ты перестал с ним бороться. тогда ты сможешь править свободно. Но как бы сильно это ни избивало тебя и не заставляло сомневаться в себе, и поверь мне, за последнюю неделю я видел, как сильно это действует... несмотря на это, ты все еще борешься с этим. тот факт, что ты говоришь со мной об этом прямо

сейчас и что это явно тебя расстраивает, является доказательством того, что ты борешься с этим. И это одна из многих вещей, которые меня привлекают к тебе. То, что ты никогда не перестаешь с этим бороться».

Затем на лице Иви появилась легкая улыбка.

«И знаешь что? И что? Даже если часть тебя — чистое зло, ну и что?»

"Ну и что?" — спросил ведьмак, нахмутив брови.

«Да. Ты уже говорил мне, что веришь, что Бог вложил в тебя Свою доброту, чтобы бороться с этим, верно?»

Ведьмак кивнул.

— Хорошо, тогда. Тогда это... откровение о том, что в тебе есть чистое зло, должно просто сделать тебя благодарным.

При этих словах убийца монстров чуть не рассмеялся. — Благодарен? Я должен быть благодарен?

Иви несколько мгновений смотрела на ведьмака, а затем быстро кивнула.

«Если вы не голодны, и кто-то предлагает вам поесть, вы можете быть благодарны за его доброту, но, вероятно, не слишком сильно. Но если вы не ели неделями, и голод внутри вас поглощает... ваше осознание этого всегда находится на переднем плане вашего разума... если это все, о чем вы можете думать... и затем кто-то предлагает вам ту же самую еду... насколько благодарны вы тогда за их доброту? ."

Эви наблюдала за лицом Геральта, пока он смотрел на нее, но не могла понять, что она видела в его глазах. Наконец она увидела легкую улыбку на его губах.

«Итак, вы говорите... На самом деле я должен быть благодарен, что в последние несколько дней я все больше и больше осознаю темные и злые части внутри меня. Потому что это знание заставляет меня - или, по крайней мере, должен сделать меня более благодарным Богу за то, что он оказал мне благосклонность, за то, что он вложил в меня свою доброту, чтобы бороться с ней?»

Он и Иви на мгновение посмотрели друг на друга. Затем он кивнул головой.

«В этом действительно есть некоторый смысл».

Эви улыбнулась ему в ответ. «Да. Один мудрый человек однажды сказал мне, что логика никому не повредит».

Она посмотрела на ведьмака, у которого было странное выражение лица.

«Спасибо, Эви». А потом он заключил ее в объятия. "Спасибо."

ooo

Вызима

— Какие новости, Малек? — спросил император Эмгыр.

«Я получил известие, что мисс ВандерБош в настоящее время находится в эльфийском дворце в Голубых горах к востоку от Дол Блатанна.

Хотя он и не показывал этого, император был полон надежды и волнения, услышав это заявление.

«Ваш план?»

«У нас есть большой батальон людей в Венгерберге. Я прикажу волшебницам телепортировать меня и нескольких моих людей туда. Оттуда тяжелая однодневная поездка должна позволить нам достичь нашей цели. Я не уверен, что Эйн Сейдхе будет чувствовать себя обязанной защищать ее или нет. В любом случае, я считаю, что пятидесяти солдат будет достаточно».

Император взял со стола пергамент и быстро написал несколько строк. Затем он свернул пергамент, вылил на край теплый воск и, когда тот начал остывать, запечатал его перстнем с печаткой.

«Сделай сто», — приказал Эмгыр, передавая Малеку пергамент.

Затем он взял небольшой колокольчик и позвонил. Тут же вошел камергер императора.

— Мерерид, призови волшебниц.

<http://tl.rulate.ru/book/100010/3414145>